

по следам громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса

ПАДШИЙ АНГЕЛ
ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Падший ангел за левым плечом : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-091801-0

Мсть — блюдо холодное. И хотя в том гараже, на месте преступления, все дышало яростью — ярость тоже была холодная. Убийца не проявлял ни паники, ни торопливости — он действовал. Шеф криминальной полиции области полковник Гушин уверен: смерть Полины Вавиловой связана с тем, чем занимался ее муж полковник Вавилов пять лет назад, когда служил начальником уголовного розыска в подмосковном Рождественске. В то время Вавилов вел три громких дела. Только какое из них дало о себе знать сейчас? Катя Петровская, капитан полиции, сотрудница Пресс-службы ГУВД Московской области, недоумевала: зачем снова разбираться в этих старых, не связанных друг с другом историях?.. Тогда еще никто и предположить не мог, какой неожиданный оборот примет расследование убийства юной жены полковника Вавилова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091801-0

ТО, ЧТО ЛУЧШЕ НЕ ВИДЕТЬ

«Во всем этом есть что-то нечеловеческое».

«Не пускайте его сюда! Слышите, не пускайте его сюда!»

Никогда прежде Катя — Екатерина Петровская, обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области — не слышала, чтобы шеф криминальной полиции полковник Гушин кричал вот так — фистулой, придушенно и одновременно громко. На истеричной вибрирующей ноте, рискующей вот-вот сорваться и крайне болезненной для барабанных перепонки всех, кто был в эту минуту с ним рядом.

Во всем этом есть что-то нечеловеческое...

Это произнес эксперт ЭКУ Сиваков, видевший за свою многолетнюю работу столько всего...

Но только не... *Не то, что открылось их взору в этом доме и в этом гараже.*

Дом — новенький коттедж из силикатного кирпича, построенный на окраине микрорайона Деево на участке, выделенном под коттеджное строительство. Дом такой светлый, с окнами до пола на террасе, с винтовой лестницей из лиственницы на второй этаж, с просторным холлом, откуда можно пройти на большую кухню, а также в гараж, пристроенный прямо к дому.

Дом, полный света и воздуха, несмотря на то что за окнами — ненастный, ветренный и холодный апрельский день.

Дом, пахнувший ремонтом, краской, клеем для обоев, струганым деревом.

Дом, где все эти мирные ароматы подавлены запахом крови.

Крови так много...

Есть вещи, которые лучше не видеть. Это Катя как мантру повторяла сейчас сама себе. Лучше не видеть, не знать. Но вместе с полковником Гуциным и оперативной группой Главка она находилась тут, в этом самом месте.

И все это было перед ее глазами.

И она не могла их закрыть, потому что — закрывай, не закрывай, ничего бы не изменилось, не исчезло.

И смех этот — ужасный, похожий на лай, доносившийся из гостиной, не стих. Этот смех, в котором истерика, ярость и слезы.

И еще как бы удивление, что такое — вот такое возможно.

Это... Как у бабы этой в музее, у Венеры Таврической... хи-хи... Нет, Милосской... хи-хи-хи...

Смеялся Игорь Петрович Вавилов — человек, которого Катя отлично знала, полковник полиции, начальник оперативно-аналитического управления. По факту — третий человек в руководстве Главка и коллега Гущина.

Как у бабы у этой из музея... у Венеры.... Ха-ха-ха-хаха!

— Игорь Петрович, пожалуйста, перестаньте. Надо взять себя в руки. Игорь Петрович, пожалуйста! — Голос помощника Вавилова.

— Дай ему что-то или вколи, чтобы прекратил, успокоился, — попросил Гущин.

— У меня ничего такого нет. — Эксперт Сиваков покачал головой. — Паренек этот, Артем, ему «Скорую» вызвал — так они ехать отказались, узнав, что это истерика на почве шока. Не психиатричку же вызывать.

Ничего, уж как-нибудь опомнится. Возьмет себя в руки. Он мужик сильный. Опер бывший.

— Сюда его ни в коем случае не пускайте, — Гуцин, только что кричавший, снизил голос до шепота, — сюда ни-ни!

— Не поможет. — Сиваков оглядел то, что лучше не видеть. — Он же ее обнаружил. Они с помощником. Парень сразу в дежурную часть сообщил. А Игорь Петрович...

Ха-Ха! Хи-хи-хи! Обрубил...

Безумный хохот не стихал ни на минуту.

Помощник полковника уже умолял:

— Игорь Петрович, пожалуйста... Нате вот, выпейте... Звон чашки, сброшенной на пол.

Вдребезги!

Ха-ха-ха!

Катя попала сюда, в этот жуткий дом в Деево, не по своей воле. Даже жажда сенсации для интернет-страницы «Криминального вестника Подмосковья», что она вела как обозреватель и сотрудник пресс-службы, не заставила бы ее заниматься расследованием этого дела.

Она поняла это сразу, едва лишь узрела *то, что лучше не видеть*. И едва при этом самым позорным образом на глазах у всей опергруппы, экспертов и следователя не грохнулась в обморок.

Она никогда бы не поехала в Деево, сюда, в этот чертов дом. Если бы не приказ полковника Гуцина. Нет, просьба, нет, определенно приказ. Или все вместе, потому что сотрудники Пресс-центра обязаны по инструкции и по распоряжению руководства Главка выезжать на все преступления, совершенные в отношении своих коллег — полицейских.

В эту субботу Катя планировала для себя праздник. У Анфисы Берг — закадычной подруги — день рождения. И она собирала девичник в кафе на Гоголевском

бульваре. Катя купила в подарок Анфисе крутую новую кофеварку и ехала в такси с родной Фрунзенской набережной — нарядная, веселая, с подарком для подружки.

Как вдруг этот звонок от полковника Гущина, а потом и от начальника Пресс-центра ГУВД, от своего шефа.

Гушин приказал, нет, попросил — приезжай сейчас же, у нас небывалое ЧП!

Начальник Пресс-центра был сух и лаконичен — выезжайте в район, в Деево. Там зверски убита жена начальника оперативно-аналитического управления полковника Вавилова. По итогам осмотра места подготовите самый скупой комментарий для массмедиа, который только возможен.

Самый скупой комментарий для прессы и телевидения — вот об этом?!

Подарок — кофеварка — остался в кабинете в Главке на Никитском. Анфисе Катя позвонила и сказала, что в кафе она, увы, приехать не сможет.

Но тогда, звоня подружке Анфисе, она еще не знала, что ее ждет в этом доме в Деево. И представить не могла, какие жуткие, пугающие, запутанные и странные события впереди.

Хи-хи-хи! Как этой бабе мраморной в музее... Венере... обрубил... Ха-ха-ха-ха!

— Не обрубил, — сказал эксперт Сиваков, наклоняясь над трупом, — отрезал. Убийца использовал электропилу тут в гараже. Ее руки отпилены по самые плечи.

Во всем этом есть что-то нечеловеческое...

Но это лишь первый абзац. Мы только начали наш осмотр. Многое еще впереди.

Тут, вот тут.

— Меня интересует время совершения убийства. Когда наступила смерть, — тихо, опять же шепотом сказал полковник Гушин. — Ты понимаешь, в каком мы все сейчас положении. Он сотрудник полиции, он — один

из начальников Главка. Я хочу, чтобы хотя бы в вопросе давности смерти нас не ждали безумные сюрпризы. С меня этого его смеха хватает. Волосы дыбом. Итак, что скажешь?

Они с Сиваковым переглянулись.

Катя ждала, что ответит эксперт.

То, что лучше не видеть, уже диктовало свои, собственные условия расследования.

Бригада ЭКУ проводила в доме и в гараже полный, тотальный осмотр с изъятием всех улик, которые лишь предстояло еще найти.

Глава 2

МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

А в это самое время, когда в страшном доме в Деево только начинался осмотр места убийства, в соседнем с поселком городе Рождественске Виктория Одинцова — вдова средних лет, потерявшая любимого мужа, — размышляла о счастье.

Муж Виктории скончался от инфаркта скоропостижно. И боль утраты, тяжкая в первые годы, утихла. Словно посветлела как-то эта боль, истончилась, оставив горьковатое послевкусие невыплаканных слез.

Но жизнь есть жизнь, и Виктория Одинцова смирилась. С ней шагать дальше по жизни без мужа остались сын и свекровь. Сын окончил школу и поступил на первый курс МАИ. Свекровь постоянно путешествовала по поликлиникам и аптекам в ажиотаже получения бесплатных лекарств. Стуча клюкой, костерила почем зря врачей, районные власти, ругала государство, не стесняясь в выражениях, и, что интересно, все рецепты и направления от врачей всегда получала. И даже без очереди.

Они жили после смерти мужа, отца и кормильца, в квартире свекрови. И со временем Виктория научилась подлаживаться к ее непростому характеру. Общая потеря сплотила их, а также необходимость заботиться друг о друге.

А что, собственно, конфликтовать у плиты по пустякам? Разве в этом смысл жизни, кто лучше готовит молочную лапшу и тушит курицу с черносливом? Если все время ругаться и горевать, то так можно и стресс заработать. И счастье, маленькое такое, свое, домашнее, теплое, как шерстяной носок, счастье пустить по ветру.

Утратить.

Сохранить, постараться сохранить во что бы то ни стало счастье свое — лучик света — Виктория Одинцова всегда старалась.

Поначалу-то, после смерти мужа, было делать это ой как непросто. Небо с овчинку казалось. В те времена, оставшись одна, чтобы как-то прокормить семью и выплатить кредиты, которые брал муж, Виктории приходилось работать в двух местах. Практически без выходных и праздников. На сон и то времени не хватало, потому что в разных местах имелся разный график: где сутки — трое, где сутки — двое, а порой и через день, а порой и в ночную смену.

О счастье ли тут думать, когда с ног валишься и засыпаешь на сиденье автобуса, рискуя проспять свою остановку?

Но даже в те времена Виктория думала, мечтала о счастье. Вот выплачу кредит... Станет полегче. Потом, может, как-то все устроится, обойдется.

Когда случилось то происшествие в отеле «Сказка интернешнл» — роскошном, с крытыми бассейнами и аквапарком, где она работала ночным сменным администратором, призрак маленького индивидуального счастья опять словно померк.

Ну как же, ее ведь тогда затаскали на допросы сначала в уголовный розыск, потом к следователю, а затем, когда дело в суд перекочевало, и туда. Как свидетеля.

Прокурор ей все в суде внушал — вы свидетель обвинения. От ваших показаний многое зависит. От ваших показаний зависит практически все со стороны обвинения.

Каково это слышать, а? Это и крепкий, здоровый человек слышит с трепетом сердечным, с таким мандражом. А она в то время в горе великом была, только мужа потеряла — вся на нервах, на успокоительном.

Но и эта полоса черная сгинула. Суд закончился обвинительным приговором. Ну тому... типу, которого обвиняли в таких ужасных вещах...

Виктория постаралась со временем выбросить все это из головы.

А потом — вот чудеса в решетке — и прокурора того посадили, который ей все внушал, как важны ее показания.

Ну жизнь, вот жизнь, а!

Про прокурора она тогда услышала в местных новостях по телевизору. Ну посадили и посадили. Кто о прокуроре из нормальных людей заплачет?

Нет, Виктория не хотела ерничать. Она вообще была доброй женщиной. Она заботилась о сыне-студенте. Боялась, что он, такой влюбчивый и бесхребетный, еще женится ни свет ни заря. А что им тогда со свекровью, с бабкой, делать? Квартира хоть и трешка, но стандартная, со смежными комнатами. А если приведет жену да дети пойдут? Где всем ютиться?

Когда муж был жив, вроде и не ютились, а просто жили. Это сейчас, что ли, у страха глаза велики?

А с другой стороны — семья у сына, дети — это же внуки. Так, значит — вот оно, счастье. Один из его основных элементов.

Тут Виктория всегда вздыхала.

Вздыхнула она и сейчас и улыбнулась.

Она только-только закончила гладить выстиранное постельное белье и убрала гладильную доску. Пора что-то к ужину готовить. Скоро сын явится. Хоть сегодня и суббота, он клятвенно обещал, что приедет домой, а не зависнет в каком-то студенческом клубе на Спартаковской.

Свекровь, громыхая клюкой, прокандехала по коридору из своей комнаты в туалет. И угнездилась там надолго. Запоры мучили старуху.

Ей к ужину надо бы морковки сырой потерять — Виктория бросила взгляд на кухонный комбайн. Или дать слабительного? Нет, уж потружусь для нее. Подумаешь, кнопку нажать в комбайне — раз, и готова морковка тертая.

Вот в этом как раз счастье-то и заключается. В радости за близких, в заботе о них. Пусть и не очень ценят они это из-за сварливости характера и рассеянного старческого склероза.

Счастье — это сиюминутное, очень хрупкое ощущение: я счастлива... я почти счастлива... нет, не почти, а я просто счастлива... я живу...

Дома тепло — несмотря на весну, на начало апреля, в доме хорошо топят батареи. А в прошлый год топили плохо. А в этом году — хорошо, и это счастье.

У нас теперь свое дело — да, да, несмотря на экономический кризис, мы сложились компанией и держим крохотную булочную-кондитерскую в Рождественске. Семь человек сложились — прежние знакомые мужа и их жены взяли ее в долю, что называется. А свое дело есть свое дело, бизнес, пусть и не малый даже, а крохотный!

Но все же это не прежние ее мытарства на нескольких работах сразу.

Тут — счастье: чистая витрина, стойка, кофеварка, чтобы «кофе с собой». И выпечка сдобная с корицей — ее пекут сами, и хлеб разный, и плюшки, и круассаны.

А еще пасту делают «живую» и равиоли сами лепят с тыквой, со шпинатом и рикоттой. Народ покупает. Немного, денег-то не ахти у народа, потому что кризис. Но молодежь и разные там модные, продвинутые, которых, правда, в Рождественске кот наплакал, покупают равиоли и «живую пасту». И это все — доход бизнесу.

Доход ей в том числе, Виктории. И это тоже счастье.

Счастье, когда деньги есть и не надо побираться по знакомым, прося в долг на срочное погашение кредита.

Счастье вот так стоять на теплой кухне у окна, заставленного фиалками и геранью, и смотреть на сумерки — серые, раздуваемые всеми весенними ветрами.

Какого, собственно, рожна еще чего-то хотеть? Вот сын учится, поступил сам, на бюджетное место, и платить за учебу не надо.

Это счастье по нынешним временам.

Свекровь на своих ногах — бродит, таскается к врачу, до туалета сама доходит. И это счастье. Вот, не дай бог, сляжет...

Может, умрет. Не станет колодой лежать. Создавать проблемы...

Тут Виктория устыдилась своих мыслей. Нет, нет, смерти желать не годится. Это плохо.

Она ведь добрая, сердечная. Она всегда все по совести. И тогда, во время дачи показаний, она ведь не солгала, не прибавила, не убавила. Рассказала чистую правду о том, что слышала в ту ночь в отеле «Сказка интернешнл».

Так что этот, которого упекли... ну, насильник-то... он не должен быть к ней в претензии.

Она не солгала ни следователю, ни суду. И тому сыщику, начальнику местного уголовного розыска, который насильника задержал, она тоже не солгала.

Правду сказать — это ведь тоже счастье.

Хотя такого бы счастья-то поменьше — не правды сказанной, а следствия и суда...

Виктория с охапкой выглаженного белья прошла в комнату сына. Кавардак какой тут вечно. Белье надо поменять...

Она бросила взгляд на стол сына — пыли, пыли, но он запрещает ей дотрагиваться до стола. Тут компьютер, тут какие-то диски. А то она с компьютерами не умеет обращаться! Виктория хмыкнула. Она компьютеров-то побольше видела, чем он в свои восемнадцать.

— Викуся, эй, Викуся! — громогласно воззвала с толчка из-за закрытой двери туалета свекровь.

— Да, мама, скоро ужинать будем.

— Замочи мне чернослив в кипятке в кружке. Подашь опять морковь тертую, так я ее в помойное ведро!

Виктория покачала головой — свекруха в своем репертуаре, блажит бабка. Но... это ведь тоже счастье, вот такое маленькое семейное... этакий семейный смешной раздолбайчик.

Надо ко всему относиться спокойно. Самое главное — они живут, никого не трогают.

И батареи в этом сезоне в районе топят нормально.

И в доме тепло.

И в холодильнике есть что на стол поставить и что поесть.

И у них теперь свое дело — крошечный бизнес.

А желать чего-то еще — по нынешним-то временам — иллюзия.

Маленькое счастье — вот оно: тепленькое такое. Виктория погладила простыни, и правда еще хранящие тепло утюга.

Весна — скоро расцветут фиалки на подоконнике в горшках.

Завтра — воскресенье и у нее выходной, потому что у них в булочной — график.

А потом она всю неделю работает.

Булочки с корицей, ватрушки с творогом, кофе с собой — это для молодежи.

Сын попросит, как всегда, денег — на какие-то при-бамбасы к компьютеру.

И она ему даст. Потому что это ей сейчас по силам.

И в этом тоже — счастье.

Видите, как много счастья в этой жизни? Так чего же унывать?

Глава 3

ЭЛЕКТРОПИЛА

— Когда наступила смерть? — повторил свой вопрос полковник Гушин.

— Более пяти часов назад, — ответил эксперт Сиваков.

— А конкретнее?

— Ну, судя по трупному окоченению... Я бы предположил, что ее убили где-то между одиннадцатью и часом дня. — Сиваков начал осмотр. — Более детально скажу после вскрытия.

Катя через силу подошла ближе. Мертвая молодая женщина.

У трупа отсутствовали руки.

— Полина Вавилова. По паспорту ей всего-то двадцать лет. Она и выглядит на этот возраст, хотя сейчас трудно сказать. — Сиваков говорил тихо. — Молодая жена... Давно они женаты?

— Недавно, — ответил Гушин, — это у него второй брак.

— На теле две раны. Глубокое проникающее ножевое ранение в области боковой поверхности живота. Наверняка внутренние органы задеты. А также резаная рана